

тяжелых заболеваний студентов (9), настойчиво просил о награждении сотрудников, отмечая их заслуги перед университетом (23). Иногда он знакомил попечителя с научной деятельностью отдельных университетских ученых: О. Ковалевского (3), Э. Эверсмана (19), И. Симонова (10) и др. Встречаются и нелестные отзывы о трудах или характерах некоторых преподавателей. Так, в письме (7) он дает весьма скептическую оценку поэтическим трудам профессора Ф. Эрмана и адъюнкта М. Рыбушкина, а о профессоре А. Купфере, «которого флегма заглушает все...», говорит (9): «это настоящая¹ лихорадка, также холоден и неотвязчив». В одном из писем проявилось его ироническое отношение к модным в то время медицинским теориям, которые в трактовке Велланского опирались на идеалистическую философию Шеллинга. Указывая, что, согласно этой теории, мясо молодых животных (телятина, цыплята) и сочные плоды для людей слабого здоровья вредны, так как избыток их сил «подавляет и без того ослабленные силы в болезненном теле», он пишет (21): «Нам остается только этому удивляться» — и выражает надежду, что «со временем узнаем лучше тайны природы и потомство не будет уже столько страдать от болезней и лекарей».

Ряд писем этого цикла (16—23) отражает события и обстановку, создавшуюся в Казани в связи с постигшим ее стихийным бедствием — эпидемией холеры в 1830 и 1831 гг. Энергичные мероприятия Лобачевского по борьбе с холерой и проведенная им строгая изоляция университета содействовали почти полному сохранению здоровья и жизни студентов и сотрудников университета¹).

Особо следует выделить письмо от 29 октября 1836 г. (26), написанное незадолго до перехода университета на работу по новому уставу 1835 г. и публикуемое здесь впервые. Лобачевский находился тогда в Петербурге и лично представлялся министру народного просвещения С. С. Уварову. В письме изложена беседа с министром, дававшим установку в связи с переходом от устава 1804 г. к новому уставу. Новый устав вносил существенные изменения в жизнь университета и других учебных заведений. С одной стороны, проводился более тщательный отбор (в смысле квалификации) профессорско-преподавательского состава, улучшалась оплата, расширялась материальная часть, планировались заграничные командировки, а с другой стороны, университеты теряли права самостоятельных научных учреждений с коллегиальным управлением и становились в первую очередь учебными заведениями, подчиненными в большей степени, чем ранее, ректору и попечителю, который мог теперь непосредственно вершить дела в университете. При этом настойчиво проводилась дворянско-сословная политика привлечения в университет «детей высшего класса в империи».

В своей беседе с Лобачевским министр, после ряда расспросов о настоящем положении в университете и указания на особые цели учреждения в нем восточных кафедр, изложил свои затаенные мысли, основную цель своей политики — добиться, чтобы русское дворянство воспитывалось в общественных заведениях и играло ведущую роль. Для этой цели он считал необходимым создавать при всех гимназиях дворянские пансионы и предложил затем Лобачевскому ознакомиться с учебными заведениями Петербурга, где это преобразование уже проведено. Лобачевский попросил разрешение также на осмотр Дерптского университета, работавшего по типу германских университетов. После осмотра учебных заведений, длившегося около месяца, представил министру Записку²). В этой Записке Лобачевский отнюдь не восторгается дворянскими пансионами. Сделав, в виде уступки, замечание, что «нельзя пренебрегать и тем требованием родителей, чтобы дети высшего сословия не смешивались с мальчиками из сословия гораздо ниже», он основное внимание уделяет различным сторонам организации учебной и научной работы, начиная с хозяйственно-материальной части (типы печей, расположение помещений и т. п.), кончая тщательным анализом различных систем преподавания. Цель осмотра — использование в Казанском учебном округе всего положительного опыта учебных заведений Петербурга; при этом нередко оказывается, что принятое в Казани учебно-хозяйственное оборудование является наилучшим.

¹) Об этом см. стр. 300—303 наст. книги.

²) См. стр. 283.

Касаясь учебных планов различных русских университетов, Лобачевский высказывает мнение, что выносить окончательное решение рано, нужно испытать различные возможности. Он также считает излишним вводить ограничения в методах преподавания: В заключение излагаются взгляды Лобачевского на задачи университетского образования

«Здесь воспитаник, выбрав какой-нибудь род занятий более по своим способностям, в продолжение трех лет, следуя природной наклонности, упражняет отличительные свои дарования и, наконец, украсив их общими понятиями о других науках, посвящает себя тому предмету, которому должен быть уже навсегда предан, как любимому занятию в жизни и с тем, чтоб оставаться в числе ученых, в числе представителей просвещения по всему государству, во всех его сословиях и званиях»¹⁾.

Таким образом, своей Запиской Лобачевский как бы возражает С. С. Уварову, подчеркивая необходимость науки и высшего образования в государстве «во всех... сословиях и званиях».

Второй значительный цикл писем обращен к брату по матери жены Лобачевского (В. А. Моисеевой), И. Е. Великопольскому, и его сестре Ф. Е. Нератовой (24, 25, 28—31; 33, 35).

И. Е. Великопольский учился в Казанском университете с 7 февраля 1812 г. по 19 октября 1814 г. и, по-видимому, в это время познакомился с Лобачевским, который, будучи уже магистром, проводил занятия со студентами, а затем в качестве адъюнкта читал им лекции²⁾. По окончании университета Великопольский уехал в Петербург.

В 1823 г., в связи со смертью своей матери и получением наследства, Великопольский приезжал в Казань и возобновил свое знакомство с Лобачевским, читавшим в эти годы лекции по математике, по физике и по астрономии. Свидетельством этого являются следующие два шуточных стихотворения.

Н. И. Лобачевскому
(обещавшему прийти ко мне по утру и взявшему с меня слово не пить без него чая)

Всегда ль ты, милый мой софист,
На обещанья так речист
И вял на исполненья?
Не раз уж гаснул самовар,
Не раз я раздувал в нем жар,—
Но силы нет раздуть терпенье.
Придешь ли наконец,
Бездельный мой делец?
И я ли, как глупец,
В угоду милому лентяю,
Остануся без чаю?

Ноября 8-го дня 1823. Казань³⁾.

Н. И. Лобачевскому
(приславшему мне при стихах в подарок альбом)

По силе дум —
Камен наперсник,
Ньютона кум,
Поэт — наездник
И астроном.
За вирш сплетенье
И твой альбом —
Благодаренье!
Мне нужды нет,
Что скажет свет
О мне потомству:
Я к вероломству
Привык людей.

¹⁾ Стр. 286 наст. книги.

²⁾ Великопольский посещал лекции Лобачевского по теории чисел и тригонометрии в сентябре и октябре 1814 г. См. IIA-3₄, 3₅, стр. 86, сноски.

³⁾ Мозд., № 200.